

Бранднер Алеш
доцент Института славистики
фил. фак. Университета им. Т. Г. Масарика
г. Брно, Чешская Республика

ИСТОРИЧЕСКОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ФИЛОЛОГОВ-РУСИТОВ В ЧЕШСКОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация:

При подготовке будущих филологов-русистов в чешских университетах предметом изучения является прежде всего современный русский язык. Однако на практике часто встречаемся с тем, что некоторые явления можно объяснить лишь на основании знаний исторического развития русского языка. Оказывается, что экскурсы в историю языка являются для студентов интересными и полезными: они содействуют сознательному усвоению проходимого учебного материала и указывают на то, что современные нормы языка представляют собой результат многовекового процесса развития. В настоящей статье приводятся возможности исторического толкования некоторых явлений, которые трудно объяснить с точки зрения современного языка.

Ключевые слова:

современный русский язык, историческая грамматика русского языка, современные нормы языка, развитие языка, исторические экскурсы

Brandner Aleš

HISTORICAL COMMENTARIES IN TEACHING FUTURE RUSSIAN PHILOLOGISTS IN THE CZECH ENVIRONMENT

Abstract:

In the course of teaching future Russian philologists at Czech universities, the principal subject of study is the present-day Russian language. In practice, nevertheless, it is quite common that some facts can only be explained on the basis of facts from the historical grammar of Russian. It turns out that historical excursions are interesting and useful for students; they help to acquire the subject matter and show that the current language standards are the result of a long-term process of its development. The paper discusses possibilities of a historical interpretation of some phenomena that may be difficult to explain from the point of view of the contemporary language.

Keywords:

present-day Russian language, historical grammar of Russian, contemporary language standards, language development, historical excursions

При подготовке будущих филологов-русистов в чешских университетах предметом изучения является прежде всего современный русский язык. Однако иногда на практике приходится сталкиваться с такими фактами, объяснение которых возможно лишь с помощью знаний исторической грамматики русского языка [4: 3–11]. Исторические экскурсы и сравнения являются полезными и интересными для учащихся. Они содействуют сознательному усвоению учебного материала и показывают, что современные нормы языка являются результатом длительного процесса его развития и совершенствования.

Уже русские лингвисты XIX в. занимались наряду с лингвистическими исследованиями также методикой преподавания русского языка. Они стремились связать преподавание русского языка с его историей (ср.: Ф. И. Буслаев, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и др.). В качестве примера можно назвать книгу Ф. И. Буслаева «*О преподавании отечественного языка*» (1844), в которой можно найти интересные материалы из области сравнительно-исторического изучения русских слов и форм [1: 77]. Ф. И. Буслаев полагает, что „речь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов“ [2: 169]. Еще одна его книга «*Опыт исторической грамматики русского языка*» (1858) имела такое же большое значение для установления норм русского литературного языка, какое имела для середины XVIII в. «*Российская грамматика*» М. В. Ломоносова. В грамматике Ф. И. Буслаева впервые соединены исторические и описательные начала при рассмотрении русского языка. В ней обобщены все достижения русской грамматической мысли первой половины XIX в. [1: 104].

При отборе материала для исторического комментирования главное внимание должно быть уделено его практической направленности. Надо привлекать такие исторические сведения, которые освещают процесс развития языка, объясняют существующие в настоящее время явления, их происхождение и природу. Их, как правило, трудно объяснить с точки зрения современного языка.

Посредством исторического развития языка можно объяснить некоторые факты в современном правописании. Например, сочетания *жи*, *ши*, написанные через *и*, произносятся твердо. В данном случае речь идет о т. наз. историческом или традиционном написании, так как шипящие *ж*, *ш* в древнерусском языке были мягкими консонантами. Это подтверждается орфографией древних памятников, ср.: *моужь*, *похожью*, *доушя*, *лечю* и т. п. Современная орфография также отражает былую мягкость шипящих *ж*, *ш* и аффрикатов *ч*, *ц*, ср.: *жизнь*, *ложь*, *широкий*, *несешь*, *ночь*, *цифра* и т. д.; такие написания, конечно, противоречат современному произношению. В истории русского языка *ж*, *ш*, *ц* отвердели, а *ч* мягкость сохранил [5: 32; 3: 235–237; 10: 47].

На основании депалатализационных процессов, которые происходили в древнерусском языке и являются до сих пор живым процессом, можно объяснить отверждение мягких согласных перед зубными, плавными и свистящим *ц* (ср.: *токарь* – *токарный*, *котёл* – *котла*, *шатёр* – *шатра*, *царь* – *царский*, *отец* – *отца*). Однако согласный *л* всегда сохраняет свою мягкость, ср.: *вольный*, *сильный*, *палец* – *пальца*, *лёд* – *льда*.

В современном русском языке гласный *е* в положении после мягкого согласного перед твердым под ударением произносится то как *е*, то как *'о* (орфографически – *ё*): с одной стороны, *лес*, *белый*, *снег*, *бедный*, а с другой – *нёс*, *вёл*, *берёза*. Такое различие гласных под ударением можно объяснить тем, что современный звук *е* имеет различное происхождение: в одних словах этот звук является исконным – он произносился в них и в древнерусскую эпоху – таков *е*, например, в словах *нести*, *вести*, *село*, *березняк*; в других развился на месте редуцированного *ь* в сильной позиции – таков *е*, например, в *день* (др.-русс.

днь), *конец* (др.-русск. *коньць*); в-третьих, наконец, современный звук *е* развился из особого древнерусского гласного – напряженного долгого *е*, обозначавшегося на письме буквой *ѣ* („ять“), например, *лес* (др.-русск. *лѣсь*), *снег* (др.-русск. *снѣзь*). Приблизительно в XIII–XIV вв. вместо гласного звука *е* в положении после мягкого гласного перед твердым согласным или в конце слова стал произноситься *'о* (в графике *ѿ*); такое изменение коснулось исконного *е* и того *е*, в который изменился сильный редуцированный *ь*, например, *несь* > *нѣс*, *вель* > *вѣл*, *береза* > *берѣза*, *пѣсь* > *пѣс*, *лѣнь* > *лѣн*. Такое изменение не получилось у слов типа *лес*, *белый*, *снег*, *колени* и др., потому что в данный период был в этих словах звук *ѣ* („ять“), ср.: *лѣсь*, *бѣлый*, *снѣзь*, *колѣно*. Когда позже (не раньше XVIII в.) этот звук по качеству совпал с *е*, процесс перехода *е* > *'о* уже не был живым процессом, и поэтому слова, которые проникли в русский язык из церковнославянского, произносятся с *е* (ср.: *крест*, *небо*, *жертва*, *надежда*, *надеж* и др.). Однако в некоторых из корней этих слов в современном языке наблюдается также *'о* на месте *е*, ср.: *перст* – *напѣрсток*, *крест* – *перекрѣсток*, *небо* – *нѣбо*, *надежда* – *надѣжный* и др. Произношение *е* без перехода в *'о* под ударением перед твердым согласным наблюдается также в поздних заимствованиях из западноевропейских языков, когда данное изменение не было живым процессом, ср.: *балет*, *момент*, *декрет*, *сквер*, *конверт* и др. Другое дело переход в *'о* в таких заимствованиях из французского языка, где желательно было имитировать французское произношение [ör], т. е. графическое *-eur-* в конце слов, ср.: *монтёр* (< *monteur*), *дирижёр* (< *dirigeur*), *шофёр* (< *chaffeur*), *актёр* (< *acteur*) и т. п. [10: 55–57].

В результате действия закона открытых слогов в конце праславянской эпохи произошло упрощение групп согласных, что привело к изменению структуры слов. В силу действия этого закона произошло упрощение сочетания *-бв-*. Это привело прежде всего к выпадению после приставки *об-* звука *в* в начале корня. В результате его выпадения образовались новые корни слов. Таким образом можно учащимся объяснить этимологию таких слов, как *оборот* (< **ob-vortь*), *обидеть* (< **ob-viděti* „не желать кого-нибудь видеть“), *обязать* (< **ob-vęzati*), *облако* (< **ob-volko*), *область* (< **ob-volstь*). Однако в современном русском языке есть слова с сочетанием *-бв-*, в которых *б* относится к приставке *об-*, а *в* является начальным согласным корня, ср.: *обвязать*, *обвернуть*, *обвести*, *обвинить*, *обводнение*, *обводной* и т. п. Эти слова возникли позже, когда сочетание *бв* стало возможно по законам фонетической системы русского языка [6: 53–54].

Таким же древним процессом, как упрощение группы *-бв-*, было выпадение согласных *б*, *п*, *д*, *т*, *г*, *к* перед глагольным суффиксом *-ну-*, в результате чего в современном языке обнаруживается чередование этих согласных с нулем звука, ср.: *двигать* – *двинуть*, *плескать* – *плеснуть*, *глядеть* – *глянуть*, *блестеть* – *блеснуть*, *трогать* – *тронуть*, *кидать* – *кинуть* и т. п. Из многолетней практики мы знаем, что именно при образовании этих видовых форм глаголов чешские учащиеся допускают ошибки. Слова со сохранившимися сочетаниями согласных и с упрощением этих сочетаний

разошлись или семантически, или стилистически, ср.: *подвинуть что-либо* × *подвигнуть на подвиг* [6: 54].

Характерной звуковой особенностью русского языка является т. наз. русское (вернее восточнославянское) полногласие, которое проявилось в том, что в исконно русских, по происхождению общеславянских словах выступают сочетания *-оро-, -оло- (-ело-), -ере-* между согласными в корнях слов, ср.: *город, борода, голова, берег, молоко*. Почти каждому русскому слову с полногласием можно найти соответствующее однокоренное слово с церковнославянским неполногласным сочетанием *-ра-, -ла-, -ре-*, ср.: *град, глава, древо*. Здесь надо обратить внимание на то, что русским словам со звуко сочетанием *-оло- (-ело-)* соответствуют церковнославянские слова с неполногласным сочетанием *-ле-*, ср.: *волочить – увлекать, молоко – млекопитающее, шелом – шлем* и др. Слова с неполногласными сочетаниями являются, конечно, церковнославянизмами, однако многие из них в процессе исторического развития прочно вошли в русский язык, первоначально через церковные книги [6: 44]. Заимствованные из церковнославянского языка слова с неполногласием носят более отвлеченный, книжный, метафорический характер, чем соответствующие им исконно русские слова, ср.: *царские врата – ворота, драгоценный – дорогой, краткий – короткий, страна – сторона, глава – голова, прохлада – холод, древесина – дерево, среда – середина, влечь – волочь, Млечный путь – молоко* и т. п. Однако нельзя сказать, что данное положение действует без исключения; встречаются выражения без полногласия, имеющие конкретное значение, ср.: *враг, гражданин, младенец, облако* [6: 44]. Результаты взаимодействия русских и церковнославянских слов оказались различные, причем в одних случаях сохранились оба слова, в других одно слово осталось в языке, а второе утратилось. Некоторые неполногласные формы стали настолько активными, что вытеснили старые русские формы с полногласием. Так, например, вместо исконно русских *вермя, веред, ворог, хоробрый, солодкий, норев* в современном русском языке употребляются церковнославянские по происхождению – *время, вред, враг, храбрый, сладкий, нрав*. Когда язык сохранил оба слова, происходило их лексическое размежевание, т. е. церковнославянское и соответствующее ему русское слово закреплялись в разных значениях или с разными стилистическими оттенками, ср.: *прах* × *порох, страна* × *сторона, власть* × *воласть, глас* × *голос, страж* × *сторож* и т. п. [4: 51]. Вместе с тем большая группа слов бытовой лексики с полногласием в современной разговорной речи церковнославянских параллелей не имеют, ср.: *корова, поросёнок, воробей, борона, колода, сковорода, горох, голод* и др. [6: 44].

В чешской аудитории полезно сравнивать ситуацию в русском языке с ситуацией в чешском языке. Дело в том, что словам с русским (вернее с восточнославянским) полногласием соответствуют в чешском языке неполногласные формы (подобно как в церковнославянском), ср.: *борода – brada, волос – vlas, сторож – stráž, солома – sláma*. На занятиях следует учащихся предупредить о том, что в русском и чешском языках встречаются одинаково звучащие формы словоформ с группировкой *-ра-, -ла-, -ре-, -ле-*, существовавшей уже в

общеславянском языке, ср.: *trava* – *tráva*, *bram* – *bratr*, *pravo* – *právo*, *плавать* – *plavat*, *слава* – *sláva*, *кремень* – *křemen*, *кресать* – *křesat*, *клён* – *klen*, *кленать* – *klerat*, *плечо* – *plec* и др.

В современном русском языке встречаемся с такими парами выражений, как *ровный* × *равный*, *ропись* × *расписать*, *розыгрыш* × *разыграть*, *он рос* × *расти*. На занятиях напрашивается возможность обратить внимание на то, что эти пары словоформ возникли постепенно в течение исторического развития языка. Речь идет о корнях слов с праславянским начальным [×]*ort-*, находящимся под нисходящей интонацией. Эти сочетания изменились еще в древнерусском доисторическом в *rot-*. Исконные формы засвидетельствованы в таких выражениях, как *ровный*, *ропись*, *розыгрыш*, *розыск*, *розный*, *он рос*. Однако позднее под влиянием церковнославянского языка, где всякое праславянское [×]*ort-* независимо от интонации перешло в *rat-*, появились рядом с *ровный*, *розный* также *равный*, *разный*. Обе словоформы в современном русском языке засвидетельствованы, однако отличаются семантически. Можно привести следующие слова, формы которых возникли под влиянием церковнославянского языка, ср.: *разум*, *распря*, *раб* (первоначально содержащие группировку *ro-*). Следует добавить, что церковнославянское влияние предполагается у слов, корень которых находился под ударением. Кроме влияния со стороны церковнославянского языка имело место еще т. наз. аканье. Под влиянием аканья, т. е. под влиянием произношения (т. е. в безударном положении) возникли современные формы приставок *раз-* // *рас-* (исконно *роз-* < **orz-* под нисходящей интонацией). Если современная группировка *ro-* сохранилась под ударением, то в безударном положении появилось под влиянием аканья сочетание *ра-*, ср.: *расти* (< *рости*), в формах прошедшего времени сохранилось *ро-* (ср.: *рос*, *росла*, *росло*, *росли*). Сюда можно отнести, например, *ракита*, *рассол*, *рассоха* и др. (исконно везде было сочетание *ro-*). Свидетельством о том, что в указанных словах выступало исконное сочетание *ro-*, является положение в чешском языке, где, подобно, как в древнерусском языке, встречается начальное *ro-*, типичное для всей северославянской территории, ср.: *rovny*, *rust*, *rosol*, *rozum*, *rozličný*, *rokyta*.

В чешской аудитории следует также обратить внимание учащихся на различный характер сонорных консонантов *м*, *н*, *р*, *л* в русском и чешском языках: русские сонанты в отличие от чешского языка не являются слогаобразующими, так что русские слова, как *Пётр*, *рубль*, *лигр*, *казнь*, *жизнь* являются односложными. Объяснение можно найти в историческом развитии языка. В указанных выражениях первоначально после финальных сонантов стояли глухие гласные *ъ* или *ь*. После их утраты возникли из неслоговых сонантов т. наз. побочные слоги. Например, слова исконно двухсложные стали произноситься как односложные с побочной вершиной звучности на неслоговом сонанте. В чешском языке, наоборот, вершина звучности стала предпосылкой дальнейшего развития. Побочный слог стал слоговым (ср.: *bra/tr*, *my/sl*, *pe/kl*, *o/sm*). В русском языке получилось неодинаковое последующее развитие: т. наз. побочный слог финального слога или остался (ср.: *Пётр*, *рубль*, *жизнь*), или исчез (ср. чешск.: *bratr*, *nesl* × *bram*, *нёс*). Различное развитие сонантов в русском и чешском языках привело к тому, что вышеуказанные двухсложные слова стали в русском

языке односложными, между тем как в чешском языке являются они двусложными. Это явление надо подчеркнуть на занятиях в чешской аудитории, так как чешские учащиеся под влиянием родного языка данные слова произносят как двухсложные [10: 38–39].

В парадигмах существительных русского языка встречаются в соседстве сонантов в родительном падеже множественного числа у существительных женского, среднего рода и у существительных *pluralia tantum* вставные гласные (ср.: *сестёр, мётел, грабель, вёдер, тягол стёкол, барахол*). Из сказанного следует, что после палатализованных согласных выступает гласный *e* (под ударением *ě*), после велярных *o*. Данное явление развилось в связи с тем, что в форме родительного падежа множественного числа указанных слов выступал редуцированный звук в слабой позиции. После его утраты уже в древнерусском языке появились вставные гласные (для удобства произношения). Таким образом получилось секундарное восстановление количества слогов. Этому явлению следует уделять внимание при обучении чешских студентов. Учащиеся иногда под влиянием чешского языка допускают ошибки. В чешском языке вставной гласный *e* наблюдается у всех существительных, основа которых оканчивается на группу согласных. Встречается даже у тех существительных, русские варианты которых вставной гласный не содержат (ср.: чешск. *jisker, jehel, her* × русск. *искр, игл, игр*). Если иметь в виду, что русский язык, в отличие от чешского, не имеет слоговых сонантов, то с точки зрения чешского учащегося ожидалось бы обратное состояние.

В развитии морфологической системы русского языка можно выделить тенденции к унификации форм, процессы упрощения форм словоизменения. Как известно, они активно протекали в истории всех знаменательных частей речи, но определяющими являются они прежде всего для истории имен существительных. В отличие от чешского языка, в современном русском языке у всех родов и типов склонения в дательном, предложном и творительном падежах выступают одинаковые окончания *-ам, -ах, -ами*, которые, как известно, по происхождению принадлежат к женским основам на *-а* (ср.: чешск. *ženám, ženách, ženami* × *pánům, městům mořím; pánech, městech, mořích; pány, městy, moři*).

подавляющее большинство склоняемых существительных выступает в единственном и множественном числе. На практических занятиях стоит упомянуть, что в древнерусском языке существительные выступали еще в двойственном числе. На некоторые реликты этих форм в современном языке полезно обратить внимание учащихся. Например, окончание *-а* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода: сначала формы именительного падежа двойственного числа существительных, обозначающих парные предметы, переосмыслились на формы множественного числа (ср.: *бока, рога, рукава, берега*), затем окончание *-а* стало охватывать и ряд других существительных (ср.: *дома, леса, города, доктора, профессора, учителя*). В связи с этим можно упомянуть формы *очи, уши, плечи, колени*; здесь можно еще провести сопоставление с чешским языком, где в творительном падеже сохранились исконные формы двойственного числа: *očima, ušima*.

Сложнее обстоит дело с современными сочетаниями числительных *два, две* с существительными. Не помешало бы отметить, что говорить о форме родительного падежа единственного числа существительного исторически верно лишь отчасти, так как только в некоторых случаях перед нами действительно родительный падеж единственного числа (ср.: *две сестры* < *дѣвъ сестры* × им. пад. дв. ч.: *дѣвъ сестръ*). В остальных случаях это формы бывшего именительного падежа двойственного числа. Только в связи с тем, что двойственное число было утрачено, она стала осознаваться как форма родительного падежа единственного числа. Проблематику можно объяснить на примерах слов мужского рода: в именительном-винительном падежах двойственное число у подавляющего большинства этих существительных было окончание *-а*, т. е. форма, совпадающая по окончанию с родительным падежом единственного числа. По аналогии эта форма постепенно распространилась и на другие типы склонения, и даже на числительные *три четыре*. Чешским учащимся следует припомнить, что в двойственном числе здесь было ударение всегда в конце, и это сохранилось до сих пор (ср.: *два часа, два шага* × *ждать больше часа, с первого шага*). О том, что перед нами в современном русском языке не одна и та же самая форма, свидетельствуют указанные примеры [10: 68–69].

Изучая русский язык, учащиеся скоро узнают, что русская парадигма не содержит звательного падежа. Здесь напрашивается возможность упомянуть, что в древнерусском языке был звательный падеж, однако в XIV–XV вв. был утрачен. Его форма употреблялась обычно в функции обращения и рано стала заменяться формой именительного падежа. Реликты типа *отче, боже, господи* считаются сейчас междометиями. В последнее время в качестве «новой» звательной формы отчасти развиваются обращения типа *Вань! мам! Коль! пап!* Вероятно, это имеет место в результате сильной редукции конечного гласного при эмфатическом акцентировании гласного основы [10: 69].

В обоих языках существует категория одушевленности. Здесь, конечно, следует подчеркнуть, что русский язык не имеет специальных образцов для одушевленных существительных, как это существует в чешском языке. В связи с этим полезно прокомментировать старые формы винительного падежа, которые до сих пор живут как реликты в устойчивых словосочетаниях (ср.: *поступить в лётчики, произвести в генералы, избрать в депутаты* и др.).

На историческом фоне можно сравнивать формы существительных, обозначающих детенышей, в русском и чешском языках. Чешский язык более последовательно сохраняет продолжение праславянского состояния (ср.: *tele* < **tele*), подобно было и в древнерусском языке (ср.: *теля* < **tele*). В истории русского языка эта группа слов пережила серьезные изменения. Формы именительного падежа единственного числа приобрели суффикс *-онок // -ёнок*, что вызвало переход этих существительных в категорию мужского рода (ср.: *теля, жеребя, порося* > *телёнок, жеребёнок, поросёнок*).

Исторически можно также комментировать отношения между краткими и полными прилагательными. Искони между существительными и прилагательными не было никакого грамматического различия. Исходными были краткие формы, от которых образовались полные формы. Их противопоставление было

сначала связано с категорией определенности-неопределенности [8: 226]. Полные формы не могли выступать в функции сказуемого, между тем как краткие формы могли выполнять функцию и предиката, и атрибута. О том, что краткие формы прилагательных могли выступать в роли определения и склоняться свидетельствуют некоторые устойчивые обороты, в состав которых входят старые падежные формы кратких прилагательных (ср.: *ходить на босу ногу, это случилось средь бела дня, от мала до велика* и др.).

Что касается числительных, чешские студенты часто путают формы количественных числительных *два, две, два*. Под влиянием интерференции с чешским языком в среднем роде приводят неправильную форму **две* (ср.: **две окна*). Здесь надо объяснить, что в чешском языке сохранились исконные формы *dva, dvě, dvě*, подобно было и в древнерусском языке, который эти формы унаследовал от праславянского языка. Древнерусская форма среднего рода *дѣвь* была в последствии заменена формой *два*. Интересной может быть для учащихся этимологическая справка о слове *сорок*, заменившее исконное числительное *четыредесятъ*. Слово „сорок“ по своему происхождению является существительным со значением „рубаха“ или „мешок“. В сорок можно было вложить 40 шкурок соболей на полную шубу. Название предмета было, видимо, перенесено сначала на число этих соболей, а затем вообще отвлечено от конкретности [4:104–106]. Дробные числительные образовались в древнерусском языке при помощи суффикса *-ина*, как это знаем в современном чешском языке (ср.: *пятина, осмина, десятина*). На занятиях надо объяснить, что только впоследствии утвердилась форма *пятая, восьмая, десятая* (т. е. часть из целого). С исконным суффиксом *-ина* встречаемся в слове *половина*. Из древнерусского языка дошли до нас существительные *треть, четверть*. Учащихся может также заинтересовать информация о том, что числительные на заре исторического развития русского языка не образовали особой части речи, а вели себя или как прилагательные, или существительные. Впервые особой частью речи назвал числительные М. В. Ломоносов в своей «*Российской грамматике*» (1755).

Современная система глагольных форм современного языка характеризуется наличием ряда черт, существенно отличающих ее от древнерусской глагольной системы. Однако формы настоящего времени представляют продолжение древнерусского состояния, которое в основном никак не отличалось от ситуации в праславянском языке. Русский язык, по сравнению с чешским, сохранил исконную форму 1 лица единственного числа тематических глаголов на *-у*. В чешском языке в ряде случаев проникло от атематических глаголов окончание *-т* (ср. русск.: *знаю, делаю* × чешск.: *znám, dělám*). В связи с этим можно еще затронуть вопрос образования возвратных глаголов с помощью постфикса *-ся* и указать на то, что современная частица *-ся* является результатом превращения бывшей краткой (энклитической) формы винительного падежа возвратного местоимения (*се > ся*).

Исторически можно также толковать современные инфинитивные суффиксы *-ть, -ти, -чь*, имеющие свое начало в единственном праславянском **ti*. Господствующий в современном русском языке суффикс *-ть* возник в результате исчезновения безударного *-и*, который оставил лишь мягкость конечного

согласного *t'*, ср.: *писать, ходить, звать*. Конечное *-и* сохраняется под ударением, ср.: *нести, везти, идти*. В образованиях глаголов совершенного вида с приставкой *вы-*, перетягивающей на себя ударение, не происходит изменение этих форм, ср.: *вынести, вывезти, выйти*. Инфинитивный суффикс *-чь* восходит к древнерусскому *-чи*, ср.: *печи, беречи*. По своему происхождению *-чи* также восходит к праславянскому **-ti*; если основа глагола оканчивалась на заднеязычные *g, k*, то при образовании инфинитива появились сочетания **gt'-, *kt'-*, которые не были свойственны славянским языкам. Изменение этих сочетаний имело своим результатом появление на их месте звука *ч*, ср.: **pekti > печи, *bergti > беречи*. В связи с исчезновением конечного безударного *-и* образовались современные формы *печь, беречь* [10: 23–24].

Интересную проблематику представляют собой непродуктивные глаголы, формы которых с синхронной точки зрения кажутся непонятными и трудно обоснованными, однако с диахронной точки зрения они являются вполне закономерными. Например, современный глагол *жать* имеет или форму *я жму, ты жмёшь* (в значении „давить, стискивать, прижимать“), или *я жну, ты жнёшь* (в значении „срезать под корень“). Исторически речь идет на самом деле о двух глаголах: **gem-tei, *azъ gьm-ŕ > *žę-ti, *azъ žь-mŕ > жать, я жму; *gen-tei, *azъ gьn-ŕ > *žen-ti, *azъ žьn-ŕ > жать, я жну*. Или современный глагол *жить, я живу*. У учащихся возникает вопрос, откуда взялось *в* в современных формах настоящего времени: в начальной стадии праславянского языка была форма инфинитива **giv-tei*, форма настоящего времени **azъ giv-ŕ*. В силу действия закона открытых слогов в инфинитиве исчез *v, g* подверглось изменению в *ž* в силу действия первой палатализации заднеязычных, так что получилось **ži-ti, *azъ ži-vŕ > жить, я живу*. Из приведенных примеров следует, что с синхронной точки зрения непонятные формы и иных непродуктивных глаголов можно объяснить с помощью этимологии [7: 445–449; 9: 100].

При сопоставлении форм прошедшего времени полезно обратить внимание учащихся на то, что современные чешские формы совпадают с праславянскими, а также и с древнерусскими (ср. чешск.: *psal jsem, psal jsi* – др.-русск.: *есмь писалъ, еси писалъ*). Так как в русском языке в 1-ом и во 2-ом лице стали употребляться личные местоимения, вспомогательный глагол „быть“ вышел из употребления (ср.: *я писал, ты писал*). Здесь полезно затронуть попутно вопрос упрощения в древнерусском языке праславянских сочетаний **-dl-, *-tl- > -l-*. Учащиеся смогут узнать, почему в чешском языке имеется *vedl, metl, mýdlo, sádlo*, а в русском *вёл, мёл, мыло, сало* (ср.: праслав. **ve-dlъ, *me-tlъ, *my-dlo, *sa-dlo*). Разумеется, в современном русском языке группы *-дл-, -мл-* в ряде случаев существуют. Однако это или позднейшие заимствования из иностранных языков, или слова и словоформы, где исконно между *-д-, -т-* и *-л-* стоял *ь* или *ь*; к последнему случаю, ср.: **sědъlo > седло, *dьlina > длина, *mьdьliti > медлить, *tьlěti > тлеть, *kotьlъ – *kotьla – *kotьlu ... > котёл – котла – котлу... и др.* [10: 19; 119–121].

У форм сослагательного наклонения следует на занятиях обратить внимание на то, что современные чешские формы совпадают с древнерусскими (ср.:

чешск. *přišel bych, přišel bys ...*; др-русск.: *быхъ пришьль, бы пришьль ...*). Однако с XIV в. засвидетельствовано в русском языке только *бы* во всех лицах единственного и множественного числа. Таким образом, исконная аористная форма 2-го и 3-го лица глагола *быть* превратилась в частицу [10: 103].

У неизменяемых частей речи там, где это преподаватель сочтет уместным, можно у отдельных выражений давать этимологические справки, которые могут содействовать их более сознательному усвоению (ср.: *сегодня* < **sego dnye*, *завтра* < **za utra*, *потом* < **po tomь*, *кто-нибудь* < **kъto ni budi* и др.).

При изучении синтаксиса современного русского языка нам кажется, что на занятиях не возникает необходимость в историческом комментировании его основных черт и особенностей. В связи с рассмотрением главных членов предложения напрашивается возможность сказать несколько слов о согласовании в древнерусском языке подлежащего и сказуемого по смыслу; в древнерусском языке при подлежащих, выраженных собирательными существительными, сказуемое выступало в форме множественного числа (ср.: *Рекоша дружана*). С остатками можно встретиться в современных диалектах (ср.: *Бригада приедутъ; Вся Москва хоронили его*). В современном русском языке встречаются иногда колебания в употреблении глагола в форме единственного или множественного числа в таких случаях, как *Большинство слов склонялось // склонялись; Большая часть присутствующих не согласилась // не согласилась с докладчиком* [10: 126–127]. В общем можно сказать, что согласование по смыслу в русском языке сильнее, нежели в чешском языке.

Историческое освещение языковых явлений на занятиях по современному русскому языку может содействовать лучшему пониманию и закреплению изучаемого учебного материала. От преподавателя это требует в подходящей форме объяснить учащимся происхождение и природу данного языкового явления. Нами приведенные исторические экскурсы (мы ограничились лишь некоторыми) представляют собой лишь рекомендации.

Литература

1. Березин Ф. М. История русского языкознания. Москва, «Высшая школа», 1979.
2. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Ленинград, 1941.
3. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. Москва, «Просвещение», 1983.
4. Иванов В. В., Потиха, З. А. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе. Москва, «Просвещение», 1985.
5. Копецкий Л. В. (ред.) Орфография, пунктуация и книжно-письменная речь русского языка. Прага, «Государственное педагогическое издательство», 1979.
6. Янович Е. И. Русский язык в историческом освещении. Минск, «Белорусский государственный университет», 2009.
7. Brandner A. Historické aspekty v paradigmatice slovesa současné ruštiny II. // Ruský jazyk 39 (1988/89), 445–459.

8. *Leška O.* Jazyk ve strukturním pojetí. Kapitoly ze synchronní a diachronní analýzy ruštiny. Euroslavica, Praha 2003.
9. *Malá E.* Alternácie foném z aspektu diachronie (na materiáli ruských slovies). Univerzita Mateja Bela, Banská Bystrica 2000.
10. *Mrázek R., Popova, G. V.* Historický vývoj ruštiny. Tribun EU, Brno 2013.